

Звонок в редакцию показался неожиданным: «Говорит Светланов. Хотелось бы поделиться приятной новостью: сегодня в календаре отметил красным карандашом событийный день — завершена запись ВСЕХ симфонических сочинений Николая Яковлевича Мясковского. Подчеркиваю — всех. Это очень важно! Может быть, заинтересуетесь? Встретимся! Поговорим!». По нынешним временам подобное «сенсационное» сообщение в первую минуту действительно показалось неожиданным: мы, журналисты, уже привыкли к поискам фактов с «изюминкой», «перчиком», приучены к острым ситуациям. А здесь что? Спокойная библиографическая «справка» — свидетельство творческой плодотворности композитора и активной исполнительской деятельности дирижера и руководимого им оркестра?.. Объект его внимания — композитор Николай Яковлевич Мясковский — личность для широкой публики нераскрытая, «вещь в себе»: сочинения его звучат в концертных программах изредка и избранно. Автор он плодовитый, музыка его красивая, высокопрофессиональная — Мясковский вписан в историю искусства классиком. Однако вниманием пропагандирующих организаций вовсе не избалован. Почему?

— Начну с того, что давнишняя мечта моей жизни — записать всего Мясковского-симфониста, — рассказывает Евгений Федорович. — Но я не мог основательно приступить к этому циклу, пока не была завершена другая огромная работа — озвученная антология русской симфонической музыки, записанная для фондов радио. Слава Богу, это завершено, и нам с оркестром понадобился год для того, чтобы осуществить давнишний замысел. Естественно, приходилось делать интервалы на другие, так сказать, «запланированные дела» — отъезды, абонементные циклы и тому подобное. Темп работы оказался крайне напряженным, насыщенным — в один из периодов мы за две недели записали 10 симфоний — по-моему, весьма внушительно! С трудностями встретились огромными — я имею в виду нотный материал. Это предвиделось: было известно, что в разное время все произведения Мясковского для симфонического оркестра прозвучали, однако, как мы иногда говорим с горечью, многие из них исполнялись два раза — в первый и последний раз.

Знал я, что где-то существуют изданные партитуры. Но где? Как их разыскать? Некоторые из них ни в одной из библиотек Москвы, Санкт-Петербурга не обнаруживались, в частности первое оркестровое сочинение — симфоническая притча «Молчание». Партитуру ее, к счастью, нашли в запасах работников Музея имени Глинки, мы расписали партию каждого инструмента оркестра и таким образом получили возможность исполнить. И мне хочется поблагодарить через газету всех, кто помог нам,

сотрудников библиотек, музея, Музыкального фонда (по переписке нот). Думаю, эта помощь не только нам, но и многим оркестрам, дирижерам и всем тем, кому дорога наша музыкальная культура. — Евгений Федорович, вы так много душевных сил, времени потратили на это. Что вас подвигнуло!

— Хотя я и не учился у Николая Яковлевича, я имею пол-

жизни нашего времени. Свидетельство тому — заявки на нашу продукцию, поступающие на «Мелодию» (под ее эгидой мы работали) от зарубежных фирм. Удивляться этому не приходится: там Мясковским интересуются больше, чем у нас. Причина тому — инертность нашего музыкознания к наследию Николая Яковлевича; есть здесь и доля вины бывшего Союза композиторов

ги, прислушивались к каждому его слову, замечанию, хотя, все знают, Сергей Сергеевич Прокофьев не очень-то жаловал авторитеты. Ну а о дружбе их и говорить не приходится — этому посвящены толстенные тома. И мне хотелось бы дожить до той поры, когда все трое станут в один ряд. Пока же я посчитал святым долгом внести посильную лепту, чтобы не теоретически, не

как все в наше время переменилось. Так что значение Мясковского — и автора прекрасной музыки, и крупного музыкального деятеля, неосенимо. Оно не требует реабилитации и защиты. Нет, оно требует внимания и пропаганды. — Евгений Федорович! А чем вы можете объяснить, что исполнители не проявляют должного внимания к творчеству Мясковского!

постановку. Она давно в моих планах, а ведь в этом смысле я живу очень целеустремленно — жизнь моя подчинена определенным идеям, к которым я стремлюсь, и иногда приходится уподобляться ледоколу и колоть ледяные глыбы. «Псковитянка», точнее, постановка ее — тот самый случай. Есть два театра, в которых я мог бы осуществить эту идею, — Большой и бывший Кировский — ны-

ских появлений здесь за пультом — конечно, положить на сердце, сознаюсь, для меня были бы более желанными. Но там нет прежде всего согласия руководства, в частности, главного дирижера. У него, очевидно, свои обширные планы и мне там места не находится. К тому же мне говорят, что театр сейчас в крайне затруднительном финансовом положении. Доказательство то-

Культура. — 1992. — Зокр. — с. 8. АНТРАКТ ОКОНЧЕН.

ное моральное право и основание считать себя его учеником, потому что творчество Мясковского — его язык, его художественные принципы необычайно близки мне, художнику-композитору. Я совершенно объективно считаю, что наибольшее влияние на меня оказал именно Мясковский, а не Рахманинов, как некоторые склонны считать. Не говорю уже о том, что музыка его была мне хорошо знакома еще со студенческих лет: мы устраивали своеобразные «беляевские пятницы»: музицировали — исполняли романсы, играли в четыре руки симфонические произведения. С той поры я и полюбил творчество Николая Яковлевича, оно было как бы частью самого меня. И музыканты руководимого мной оркестра очень быстро постигли его стиль, язык, принципы оркестрового мышления. Мне представляется, что проделанная нами работа — запись 27 симфоний и 12 оркестровых пьес разного масштаба и разного жанра — носит исторический характер и является событием не только в нашей музыкальной жизни, но и вообще в музыкальной

СССР, в руководство которым и я входил в свое время как секретарь правления, — не было у нас заботы о пропаганде творчества замечательного музыканта. Ведь при жизни Мясковского музыка его звучала и в России, и в Европе, во всех развитых странах; исполнялась в Америке, выдающиеся дирижеры, начиная с Леопольда Стоковского, были ее интерпретаторами. И вот, в последние десятилетия, непонятно почему — замалчивание, точнее, молчание — постепенно угасал интерес исполнителей к этому композитору. Я подчеркиваю, именно исполнителей, а не слушателей. Я сам это проверил — включавшиеся в программы симфонии Николая Яковлевича неизменно горячо принимались аудиторией. Значит, инерция, прежде всего исполнительская. А отсюда, очевидно, как следствие, то, что имена его младших современников Прокофьева и Шостаковича несколько заслонили, потеснили Мясковского.

С моей точки зрения, они стоят в одном ряду, и ведь известно, сколь высоко чтили оба названные музыканта авторитет своего старшего колле-

на словах признавали авторитет Мясковского, а на деле — в звучащей музыке. Между прочим, должен оговориться: мои упреки по поводу слабой пропаганды его произведений ни в коей мере не относятся к радиовещанию — здесь всегда очень внимательно относились и относятся к пропаганде творчества этого композитора. Как ни странно, я совсем недавно, когда был в Англии, убедился еще раз, что в зарубежных странах куда больше внимания к имени Мясковского, чем у нас. К слову сказать, первое его сочинение присвоила себе фирма в Вене и наложила свою лапу, коммерческую лапу, заключив с Николаем Яковлевичем договор о том, что она получает право первоиздания его всех новых сочинений.

Сочинял Мясковский много и особенно активно летом, потому что в зимний период преподавал, делал другие работы — корректировал свои описи, корректировал издания классиков, заседал в бесчисленных комиссиях и так далее. И все делал, все успевал и ко всему относился настолько добросовестно и бескорыстно, что сейчас только диву даешься,

Культура. — 1992. — Зокр. — с. 9. ЗВУЧИТ МЯСКОВСКИЙ

— Трудно сказать. Поколение наших прославленных музыкантов (юношей я еще застал их, а некоторые из них, слава Богу, живы и сегодня) прекрасно исполняли музыку Метнера — гениального русского композитора, который тоже еще недооценен и требует нового открытия. Но потом традиция исполнения Метнера угасла (и сейчас она в консерватории практически отсутствует). Видимо, в какой-то степени то же самое произошло и с Мясковским. Это явление временное. Ведь история музыки знает подобные примеры: величайшие Брукнер и Малер при жизни не пользовались ни поддержкой, ни славой, ни вниманием. Они лишь получали стрелы с ядовитыми наконечниками в свой адрес. А теперь весь мир стоит слушает их бессмертные творения. Думаю, примерно такая же ситуация ждет и Мясковского.

— Пользуясь нашей встречей, хочу услышать от вас — из первоисточника — что вы думаете о своих дирижерских делах в опере! Вы ведь выразили желание участвовать в постановке «Псковитянки»!

— Да, я хотел бы осуществить свою последнюю оперную

не Мариинский. Что ближе? Думаю, Мариинский: у меня есть договоренность с главным дирижером Валерием Гергиевым, в принципе спектакль должен был состояться уже в прошлом году, если бы не моя болезнь. Он был объявлен, подготовлен, но я, к сожалению, занемог. Пришлось заранее позвонить и отказаться. В ответ услышал сочувствие, но не «похоронный мотив» — мы просто перенесли его на более дальний период. В этом году я был занят капитальным трудом, о котором рассказал: театр осуществлял очень важные и ответственные гастроли в «Метрополитен-оперу», осуществлял с успехом, чему я очень рад.

Что привлекает меня в работе с труппой Мариинского? Во-первых, доброжелательное отношение к моему участию; во-вторых — то, что премьера будет осуществляться в подновленных, свежих декорациях, т. е. в том оформлении, в котором шел мой первый в жизни оперный спектакль (в филiale ГАБТа). Я попал бы, таким образом, в родную атмосферу. Однако стены Большого театра — с ним связана вся моя жизнь, с детского возраста до последних спорадиче-

му — премьера «Фауста», где костюмы, элементы декорационного оформления пришлось подбирать из разных старых спектаклей, за отсутствием денег. Это оченьсторажива-ет — неужели самый ценный искусстве театр мог оказаться в подобной ситуации? Я надеюсь, что это временные затруднения и спонсоры найдутся и помогут.

Одним словом, закончив сейчас работу над Мясковским, я, весьма неуспокоенный человек, начну стучаться во все двери — так просто не сдамся. 150-летие Римского-Корсакова (в 1994 году) должно и, нет сомнения, будет отмечаться очень широко. Мне представляется, что та панорама опер Корсакова, имеющаяся в Большом, к чему стремится сам Александр Николаевич Лапов — он любит этого композитора и считает, что в принципе все его оперы должны присутствовать в репертуаре, решит судьбу и «Псковитянку». И я с удовольствием готов внести в это свою лепту, если для меня найдется место.

Беседу вел
М. ИГНАТЬЕВА.